HSR London International Conference on Multidisciplinary Academic Research
(HSR-ICMAR) 2026
https://houghtonstreetreview.com/index.php/conference

ТРАГИЗМ И ИРОНИЯ В ПРОЗЕ М. А. БУЛГАКОВА

Косимова Мафтуна Мухиддиновна
Магистрант 1 курса
E-mail: maftun1108@gmail.com

научный руководитель: **Мусаева Амина Караматовна**
преподаватель кафедры узбекской и русской филологии
Азиатского Международного Университета,
города Бухары
https://doi.org/10.5281/zenodo.21554194

Аннотация

В статье исследуется взаимодействие трагического и иронического начал в художественной прозе Михаила Булгакова. Автор показывает, что сочетание боли и смеха у писателя не является простым соседством противоположных тонов, а образует единую эстетическую систему, в которой ирония смягчает и одновременно обостряет трагическое переживание эпохи. На материале романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», а также повестей «Собачье сердце» и «Роковые яйца» прослеживается, как гротеск, фантастика и сатира становятся у Булгакова способом осмысления исторической катастрофы и судьбы личности. Делается вывод о том, что двойственность булгаковского письма отражает трагическое мироощущение художника, вынужденного жить и творить в условиях слома привычного уклада.

Ключевые слова: М. Булгаков, трагизм, ирония, гротеск, сатира, фантастика, художественная проза, «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия».

Введение

Творчество Михаила Афанасьевича Булгакова принадлежит к тем художественным явлениям, которые невозможно исчерпать однозначным прочтением. Его проза одновременно печальна и насмешлива, серьёзна и озорна, наполнена болью утраты и лёгкостью карнавального смеха. Именно это соединение противоположных начал — трагического и иронического — составляет своеобразие писательского почерка и делает наследие Булгакова предметом непрекращающегося интереса читателей и исследователей.

Актуальность обращения к данной теме объясняется тем, что двойственная тональность булгаковской прозы нередко воспринимается упрощённо: либо как чистая сатира, либо как трагедия художника, задавленного эпохой. Между тем подлинная художественная сила писателя рождается именно на пересечении этих начал, где смех не отменяет скорби, а скорбь не гасит иронии. Цель настоящей статьи — рассмотреть, каким образом трагизм и ирония взаимодействуют в прозе Булгакова и какую смысловую нагрузку несёт их соединение.

Материалом исследования послужили ключевые прозаические произведения писателя: роман «Белая гвардия», повести «Собачье сердце» и «Роковые яйца», а также итоговый роман «Мастер и Маргарита». Обращение к разным по жанру и времени создания текстам позволяет проследить устойчивость художественного принципа, лежащего в основе булгаковского письма.

1. Трагическое начало в прозе Булгакова

Трагизм у Булгакова коренится прежде всего в ощущении необратимого разрушения привычного мира. Писатель принадлежал к поколению, на глазах которого рухнул уклад дореволюционной России, а вместе с ним — представления о доме, чести, культуре и

человеческом достоинстве. Отсюда сквозной для его прозы мотив утраченного очага, тепла семейного дома, который противостоит холодному хаосу истории.

Наиболее полно это трагическое мироощущение раскрывается в «Белой гвардии». Дом Турбиных с его кремовыми шторами, часами и уютом становится последним островком нормальной жизни посреди гражданской войны. Гибель этого мира изображается писателем без пафоса, но с глубокой скорбью: за частной драмой одной семьи проступает трагедия целого сословия и целой страны. Булгаков не осуждает и не оправдывает — он оплакивает, и в этом оплакивании звучит подлинно трагическая нота.

Другой источник трагизма — судьба творческой личности, обречённой на непонимание и травлю. Художник у Булгакова почти всегда оказывается в конфликте с окружающей средой, будь то Мастер, сжигающий свой роман, или учёный, чьё открытие оборачивается катастрофой. Трагедия таланта, лишённого возможности свободно творить, отражает и личную драму самого писателя, произведения которого при жизни зачастую не находили пути к читателю.

Важно, что трагическое у Булгакова редко выступает в чистом, «высоком» виде. Оно почти всегда переплетается с обыденным, бытовым, а нередко и со смешным. Именно эта особенность заставляет обратиться к иной грани его художественного мира — к иронии.

2. Ирония и сатира как художественный приём

Ирония в прозе Булгакова многолика. Она проявляется и как тонкая авторская усмешка, и как открытая сатира, и как фантастический гротеск, обнажающий абсурд действительности. При этом смех у писателя почти никогда не бывает беззаботным: за ним ощущается взгляд человека, слишком хорошо понимающего цену происходящему.

В повести «Собачье сердце» ирония достигает уровня острой социальной сатиры. История о превращении пса в человека и последующей его деградации становится язвительным комментарием к идее насильственного переустройства жизни. Смешные, гротескные сцены с участием Шарикова несут в себе серьёзное предупреждение: попытка искусственно создать «нового человека» оборачивается торжеством хамства и разрушения. Комическое здесь служит инструментом мысли, а не самоцелью.

Схожим образом работает фантастическое допущение в «Роковых яйцах», где научное открытие, попав в неумелые руки, приводит к бедствию. Булгаков смеётся над самоуверенностью, бюрократической неразберихой и верой в чудесные скорые решения, однако сквозь этот смех отчётливо проступает тревога за судьбу общества, доверившегося непроверенным экспериментам.

Отдельного внимания заслуживает булгаковская ирония по отношению к мещанству и приспособленчеству. Писатель мастерски высмеивает бытовую пошлость, корысть, трусость — те качества, которые в условиях новой эпохи нередко обеспечивали выживание. Однако его сатира не сводится к простому обличению: за насмешкой всегда стоит боль за человека, утратившего внутреннюю опору.

3. Синтез трагизма и иронии в художественном мире писателя

Подлинное своеобразие булгаковской прозы обнаруживается там, где трагическое и ироническое не сменяют друг друга, а сливаются в неразрывное целое. Наиболее ярко этот синтез воплотился в романе «Мастер и Маргарита», где сосуществуют несколько художественных пластов: сатирическое изображение московского быта, лирико-трагическая история любви и высокая философско-религиозная линия, связанная с образом Иешуа.

Появление Воланда и его свиты в Москве порождает вереницу комических, порой откровенно фарсовых эпизодов. Однако смех, вызванный проделками нечистой силы, оказывается лишь оболочкой, под которой скрывается серьёзный разговор о трусости, предательстве, ответственности и возмездии. Гротеск здесь становится способом проявить то,

что скрыто под поверхностью повседневности, а карнавальная стихия обнажает нравственную несостоятельность героев.

Трагическое и ироническое соединяются и в судьбе Мастера. Его история — это одновременно и горькая повесть о сломленном художнике, и утверждение непреходящей ценности творчества, над которым не властны ни время, ни гонители. Знаменитая формула о том, что рукописи не горят, звучит вопреки трагическим обстоятельствам как выражение авторской веры в бессмертие подлинного искусства.

Таким образом, ирония у Булгакова не разрушает трагического, а придаёт ему особую глубину. Смех избавляет повествование от сентиментальности и высокопарности, а трагическое, в свою очередь, наполняет комическое серьёзным нравственным содержанием. Именно в этом взаимопроникновении рождается неповторимая интонация булгаковской прозы — печальная и насмешливая одновременно.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что трагизм и ирония составляют два неотделимых полюса художественного мира Михаила Булгакова. Трагическое рождается из переживания разрушенного уклада, гибели культуры и драмы творческой личности, тогда как ирония служит средством осмысления абсурда действительности и защитой от отчаяния.

Особенность булгаковского письма заключается в том, что эти начала не противостоят, а дополняют друг друга. Ирония не снижает трагического пафоса, а делает его достовернее и человечнее; трагическое же придаёт смеху нравственную весомость. Соединение боли и насмешки становится для писателя способом выразить сложность эпохи и неоднозначность человеческой судьбы.

В итоге двуединство трагизма и иронии предстаёт не случайной чертой, а сознательным художественным принципом, определяющим уникальность прозы Булгакова и обеспечивающим её непреходящую актуальность для читателя.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. — Москва: Художественная литература, 1988. — 384 с.
2. Булгаков М. А. Белая гвардия. Собачье сердце. Роковые яйца. — Москва: Эксмо, 2019. — 640 с.
3. Лакшин В. Я. Мир Михаила Булгакова // Вопросы литературы. — Москва, 1968. — № 6. — С. 45–72.
4. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — Москва: Книга, 1988. — 672 с.
5. Яновская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. — Москва: Советский писатель, 1983. — 320 с.